

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТОМ XX · ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

Д. С. ЛИХАЧЕВ

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ МЕХАНИСТИЧЕСКОЙ
ТЕКСТОЛОГИИ

Современная зарубежная текстология, изучающая памятники, известные во многих списках (средневековые, классические, восточные и т. д.), находится в состоянии затяжного кризиса. Спор между сторонниками метода К. Лахманна и Ж. Ведые, продолжающийся около 70 лет, до сих пор не привел к видимым положительным результатам и породил множество скептических высказываний по текстологическим проблемам и о самой возможности существования текстологии как науки.

Показательны в этом отношении мысли известного текстолога А. Хаузмана. Еще сорок лет назад А. Хаузман писал: «Человек, обладающий здравым смыслом и рассудком, не должен ожидать от изучения статей и лекций по критике текста чего-либо, что он не мог бы, имея прилежание и трудолюбие, добыть для себя самостоятельно... Критик текста, занятый своей работой, отнюдь не напоминает Ньютона, исследующего движение планет: скорее он похож на собаку, охотящуюся за блохами. Если собака охотится за блохами на основе математических принципов, она никогда не поймает блоху, разве что случайно... Если собака хочет с успехом ловить блох, — она должна быть быстрой и чуткой. Не стоит носорогу охотиться за блохами: он не знает, где они, и он не поймает их, если и узнает»¹. Далее А. Хаузман пишет: «Предполагают, что существует прогресс в науке критики текста и наиболее легкомысленные последователи этой мысли говорят о „старых ненаучных днях“. Старое ненаучное время продолжается вечно; оно здесь и теперь; оно обновляется ухом, которое воспринимает формулы, и языком, который их выговаривает, и умом, который ищет для размышлений и задавлен самодовольством. Прогресс был, но где он? В лучших интеллектах: толпа не разделяет его. Такой человек, как И. Скалигер, живи он в наше время, был бы теперь лучшим критиком текста, чем Скалигер прошлого; но мы никогда не будем лучшими критиками текста, чем Скалигер, только потому, что мы живем в наше время»². Характерно, что американский текстолог Э. Хэм свою обобщающую статью, предназначенную для ознакомления студентов с основами текстологии, полемически назвал «Критика текста и здравый смысл»³.

Крайне несимпатичный взгляд на текстологию высказывает и Е. Винавер: «Последние исследования в области критики текста знаменуют конец вековой традиции. Остроумная техника изданий, развитая великими мастерами девятнадцатого столетия, так же устарела, как физика Ньютона, и работа поколений текстологов потеряла значительную часть своей ценности. Больше невозможно классифицировать рукописи на основании „общих ошибок“: генеалогические стеммы потеряли свой авторитет, и одновременно исчезла вера в сводные критические тексты»⁴.

¹ A. E. Housman. Classical Association Proceedings, 1921, XVIII, стр. 68—69.

² Там же, стр. 84.

³ Edward B. Ham. Textual Criticism and Common sense. «Romance Philology», 1959, т. XIII, № 3, стр. 198—215.

В суждениях зарубежных ученых текстологии часто выступает как искусство, как «игра без правил», а не как наука. Считается, что текстолог не должен знакомиться с теорией текстологии, с суждениями выдающихся критиков текста и может ограничиваться в своей работе «здравым смыслом», заменяя им опыт своих предшественников и научную традицию.

О разочаровании в научно-критических изданиях свидетельствует и заметное увеличение за последние десятилетия изданий памятиков по одному списку (с разночтениями или даже без разночтений по другим).

Существуют некоторые общие причины плачевного положения текстологической науки за рубежом. Текстология «подавлена» практическими задачами издания текстов. Это отрицательно сказывается на развитии теории. Опыт текстологов еще в значительной мере передается методами, принятыми в средневековом ремесле: устно, от учителя к ученику. Опыт редко выходит за пределы практических навыков. Вот почему в текстологии образовались «замкнутые школы» и очень мало сказывается общее развитие науки.

Но текстология за рубежом не просто отстает или медленно движется вперед: ясно определились признаки кризиса. Растущий скептицизм связан с тем, что в разрешении некоторых основных вопросов текстология зашла в тупик и что образовавшимся различным направлениям в текстологии с гораздо большим успехом удастся дискредитировать друг друга, чем утвердить себя.

Чтобы понять причины этого кризиса, необходимо обратиться к классической европейской текстологии, представленной К. Лахманом и его школой.

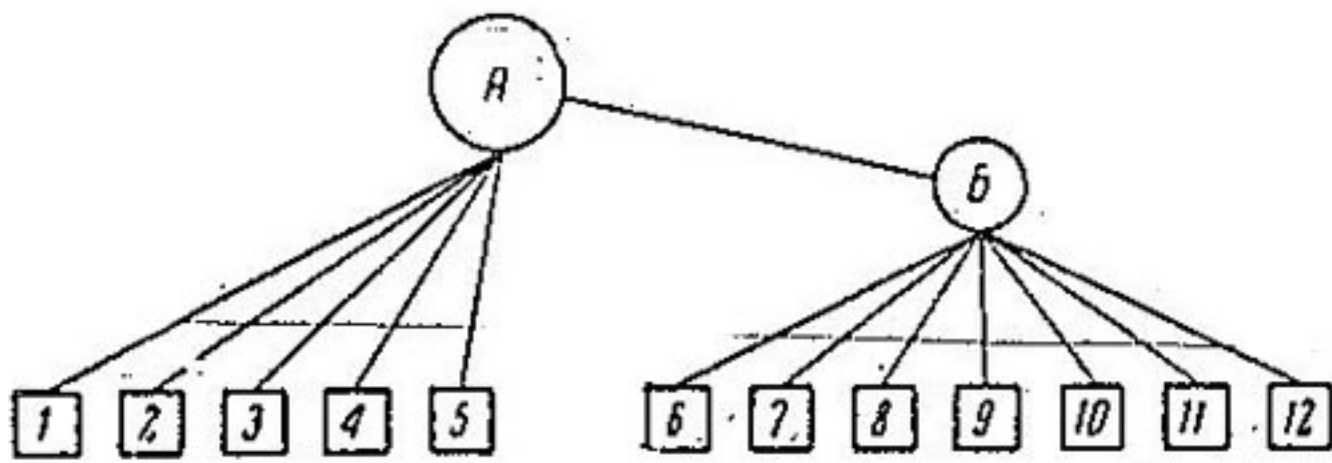
Ко времени, когда К. Лахман выдвинул свой метод в текстологии (1840-е годы), в текстологической науке существовали свои представления об истории текста произведений. История текста представлялась историей постепенной его порчи в различных списках. Эти представления были законны для XVIII в. с его рационализмом. Из них исходил в своих реконструкциях текста Несторовой летописи и знаменитый А. Шлецер. Все списки казались равны и из всех выбирались «лучшие чтения» для реконструкции первоначального, «неиспорченного» текста. П. Добровский был более историчен, выдвинув в начале XIX в. новую точку зрения: рукописи возникают одна за другой, есть тексты лучшие и худшие в целом, а не только в их разночтениях. Возникла необходимость классифицировать тексты отдельных списков, разбивать их на группы и редакции. Однако представления о постепенной порче текста и о том, что интерес представляет только «авторский текст», по-прежнему продолжали существовать и держатся в основном до сих пор. История текста с этой точки зрения представляет интерес только для восстановления авторского текста. Задача текстологии сводится только к «добыванию» авторского текста, с восстановлением и изданием которого кончались все заботы текстолога.

Наиболее последовательно эта точка зрения на историю текста произведений была выражена во всемирно известных работах К. Лахманна: посвященных реконструкции Нового завета, ряда классических произведений, текста Нибелунгов и т. п. Необходимая для этого классификация списков проводилась К. Лахманом (а впоследствии его учениками и последователями) при помощи так называемой теории «общих ошибок».

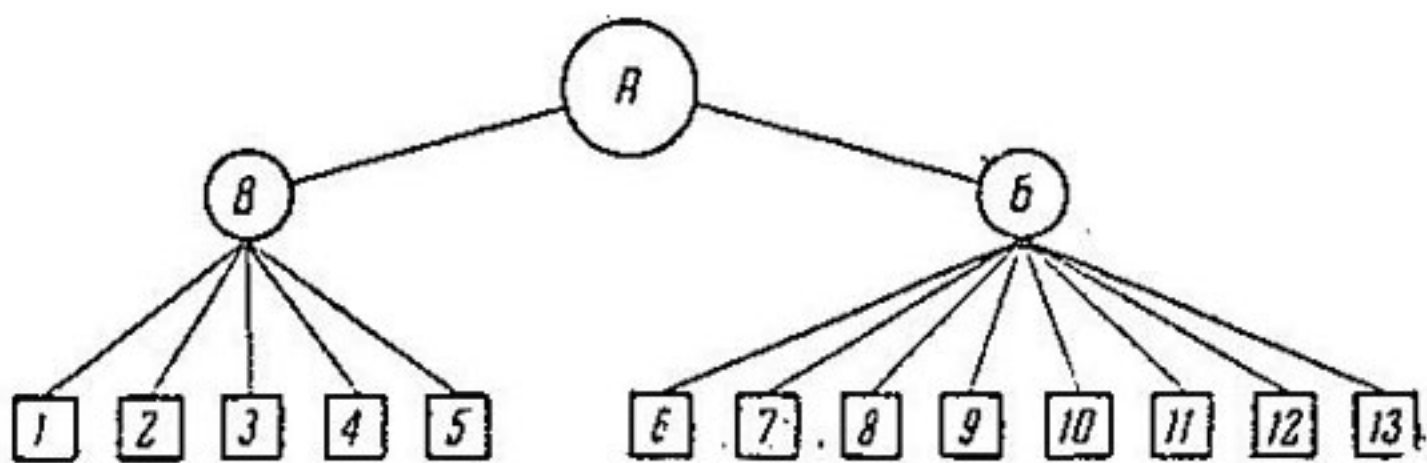
Предполагалось, что общие разным рукописям ошибки текста могли явиться только в результате общего же происхождения этих рукописей. На выявлении общих ошибок в разных рукописях как на средстве определения генеалогии списков было сосредоточено основное внимание текстологов XIX и начала XX вв.

⁴ E. Vinaver. Principles of Textual Emendation. Studies in French Language and Mediaeval Literature presented to prof. Mildred K. Pope, Manchester, 1939 (цитирую по книге: A. Castèllani. Bédier avait-il raison? Fribourg, 1957, стр. 10).

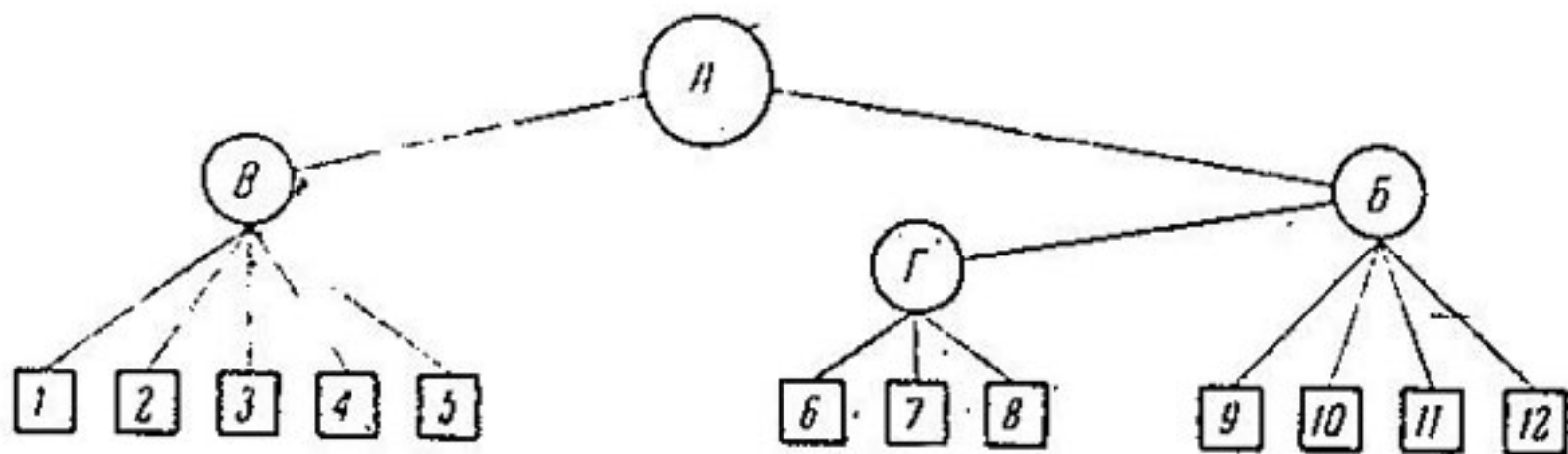
Метод определения генеалогии списков по «общим ошибкам» может быть продемонстрирован на следующем примере. Допустим, памятник представлен двенадцатью списками. Семь списков имеют общую им всем ошибку. В таком случае стемма списков примет следующий вид:

Списки 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, имеющие общую ошибку, восходят не непосредственно к авторскому тексту А, а к общему оригиналу Б. Далее: списки 1, 2, 3, 4 и 5 имеют в другом месте тоже общую им ошибку. Отсюда ясно, что и списки 1, 2, 3, 4 и 5 также восходят не непосредственно к авторскому тексту, а через общий архетип В. На стемме это отразится следующим образом:

В дальнейшем, однако, оказывается, что списки 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, восходящие к архетипу Б, не едины: списки 6, 7 и 8 имеют общую ошибку, отсутствующую в списках 9, 10, 11 и 12. В этом случае стемма примет следующий вид:

Дальнейшее выявление общих ошибок осложнит стемму еще более.

Метод К. Лахманна был увлекателен своей простотой. Казалось, был найден ключ к верному, математически точному построению генеалогии списков любого произведения, дошедшего до нас более чем в двух списках. Реконструкция истории текста зависела теперь только от терпения текстолога. Система К. Лахманна была принята во всех странах, не включая России, где также приобрела верных адептов.

Победное шествие теории Лахманна не было остановлено отдельными скептическими голосами тех, кто указывал, что писцам в некоторых случаях свойственно ошибаться одинаково, что отдельные «общие ошибки» могут возникать самостоятельно и т. д. Появилась даже своеобразная модификация теории К. Лахманна: теория «общих ошибок» заменилась теорией

«сходных мест», изобретенной монахом Домкантемом. Другая модификация теории К. Лахманна заключалась в том, что текстологи говорили не об «ошибках» текста, а о его разночтениях (вариантах), которые подсчитывались и подразделялись на индивидуальные и многократные, а затем многократным отдавалось предпочтение. Модификации теории К. Лахманна не меняли ее по существу: принцип подсчета разночтений оставался без изменений. Практически эта механистическая текстология была настолько удобна и, казалось бы, точна, что она продолжала держаться, несмотря на отдельные возражения и подновления.

Так было до тех пор, пока не обратило на себя внимание однообразие стемм, построенных по принципу «общих ошибок» и им подобных: громадное большинство стемм оказалось раздвоенными.

Впервые это наблюдение сделал Ж. Бедье, назвав его «позумляющим законом» («la loi surprenante»). В своей издании «Lai de l'Ombre» (первое издание — 1890 г.) он опубликовал различные стеммы, созданные на основе теории «общих ошибок»: подсчет показал, что большинство стемм было раздвоенным (дихотомным, «les stemma bifides»): каждая ветвь выпускала из себя две ветви и те в свою очередь выпускали двойные ветви. Это повторялось в стемме столько раз, сколько было генераций списков произведения. В 1910 г. Ж. Бедье собрал 80 стемм; 78 из них оказались раздвоенными. В 1928 г. он собрал 110 стемм; раздвоенными оказалось 105. Он исследовал издания французских, английских, латинских текстов; обнаружилось, что в основном они также были раздвоенными. Откуда этот закон? Почему филологи-издатели фатально приходят к построению именно раздвоенных стемм? Все рукописи разбиваются попарно, только попарно.

Ж. Бедье пишет: «Не удивительно, что время, которое сохранило 16 списков, происшедших от двух списков W и Z „Roman de la Rose“, злобно уничтожило все те списки, которые произошли от третьего списка; и не удивительно, что то же самое и тем же образом повторилось с „Roman de Troie“; но что это повторилось таким же образом с „Cligès“, с „Yvain“, с „Philomena“ и со всеми остальными романами Кретьена де Труа, и со всеми романами романистов, и со всеми хрониками хроникеров, и со всеми поучениями проповедников, и со всеми собраниями басен баснописцев, и со всеми песнями песнописцев: это чудо! Одно генеалогическое дерево с двумя ветвями не включает ничего необыкновенного, но целая роща двухветвистых деревьев, целый парк, целый лес? Silva rogientosa. Случай с двумя ветвями в истории текста не включает в себе ничего чудесного, но закон разделения на две ветви... Этот закон должен был начать управлять судьбою текстов только около ста лет назад, когда первый филолог построил первую „stemma codicum“». «В филологической флоре, — говорит Ж. Бедье, — деревья точно одного типа: их ствол последовательно делится на две ветви, — только на две»⁵.

Критика Ж. Бедье системы К. Лахманна породила целую литературу. Филологи выступают и в развитие идей Бедье, и в защиту теории Лахманна. В процессе этой полемики, которая не прекращается в течение всех последних десятилетий, все более и более явственно проступают общие недостатки механистической текстологии. Спор ведется по преимуществу вокруг открытой Ж. Бедье дихотомии текстологических стемм, но объективно затрагивает и другие стороны методики текстологических исследований. Так, Ж. Фурке стремится оправдать теорию К. Лахманна, но защищает ее только с точки зрения возможного преобладания в исследованиях текстологов парноветвистых (дихотомных) стемм.

Ж. Фурке пространно доказывает, что с математической точки зрения парноветвистая стемма более естественна, чем трехветвистая. Однако вы-

⁵ Ch. J. Bédier. Tradition manuscrite du lai de l'Ombre. Réflexions sur l'art d'éditer les anciens textes, «Romania», 1928, LIV, стр. 171.

вод, к которому приходит Ж. Фурке в заключении своей работы, несколько неожидан: «Первая цель данной работы — реабилитация метода общих ошибок. Отрицание всех стемм как фантастических несправедливо. Редкость многоветвистых стемм — в природе вещей... Труд филолога, строящего стемму, вовсе не калечится тайным пороком системы. Вторая цель данной работы — показать, что нельзя ожидать многого от реабилитации иррегулярных стемм... Если издатель имеет основание колебаться между трехветвистой стеммой и парноветвистой, — стемма бесполезна»⁶. Последняя процитированная мною фраза показывает, что, стремясь к реабилитации К. Лахманна, Ж. Фурке недалеко ушел от Ж. Бедье: защищая К. Лахманна, он приходит к скептицизму.

— Работе Жака Фурке была посвящена специальная статья Марио Рока. М. Рок справедливо пишет, что при построении стемм, согласно принципам Лахманна, могут приниматься во внимание только те общие ошибки, которые не могли быть сделаны одновременно двумя лицами. Но если так, то мы не можем полагаться на простые подсчеты общих ошибок, — мы должны анализировать эти ошибки, выяснять их происхождение. Мы должны отделять ошибки от изменений и анализировать изменения: насколько они не могли в разных списках принадлежать разным переписчикам, а восходили непременно к работе одного переписчика?

Сложным математическим расчетам, доказывающим полную вероятность преобладания парноветвистых стемм над трехветвистыми и другими, посвящена была и работа Ф. Уайтхеда и Ц. Пикфорда «The Two-Branch Stemma»⁸.

Математический спор относительно теории «общих ошибок», начатый Ж. Бедье с подсчета типов стемм, выработанных по системе К. Лахманна, пришел, казалось бы, к своему концу, когда профессор Фрибургского университета в Швейцарии А. Кастеллани опубликовал в 1957 г. в специальной брошюре, посвященной проверке данных Ж. Бедье, свои выводы⁹. Выводы эти показали, что статистические данные Ж. Бедье, во-первых, только в незначительной своей части документированы, а, во-вторых, в той части, в которой они документированы, подсчеты сделаны крайне неточно¹⁰.

Весьма возможно, конечно, что произведенные Бедье подсчеты дихотомных (парноветвистых) стемм неверны, однако и А. Кастеллани признает, что дихотомных стемм значительно больше, чем недихотомных. В этом отношении он приходит к тем же выводам, что и Ж. Фурке, и Пикфорд, и Уайтхед. При этом А. Кастеллани признает, что, чем меньше списков произведения, тем вероятнее, что взаимоотношения их сложатся в дихотомную стемму¹¹. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что применение теории «общих ошибок» дает подавляющее большинство именно дихотомных стемм. Приходится удивляться не тому, почему этих дихотомных стемм так много, а почему не все стеммы, построенные исследователями на основании применения теории «общих ошибок», дихотомны. Дело в том, что в чистом виде теория «общих ошибок» применялась редко; по большей части эта теория при построении стемм не доводилась до конца или смешивалась с другими наблюдениями над текстами. Эти недоработки и смещения и могли дать при построении стемм неполное число парноветвистых стемм. Если же применять теорию «общих ошибок» последо-

⁶ Jean F ourquet. Le Paradoxe de Bédier. «Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg», 1946, т. CV, стр. 16. (Разрядка моя. — Д. Л.)

⁷ «Romania», 1947, LXIX, стр. 118.

⁸ Frederick Whitehead, Cedric E. Pickford. The Two-Branch Stemma. «Bulletin Bibliographique de la Société Internationale Arthurienne», 1951, № 3, стр. 83—90.

⁹ Arrigo Castellani. Bédier avait-il raison? La méthode de Lachmann dans les éditions de textes du moyen âge (Discours universitaires, Nouvelle série 20), Fribourg, 1957.

¹⁰ A. Castellani. Указ. соч., стр. 20—21.

¹¹ См. E. V. Ham. Рец. на кн.: A. Castellani. Bédier avait-il raison? «Romance Philology», 1959, т. XIII, № 2, стр. 190—191.

вательно, — преобладание парноветвистых стемм совершенно неизбежно. Показать это можно и не прибегая к сложным математическим расчетам.

В самом деле, между любыми двумя списками произведения можно легко найти общие ошибки в большем или меньшем количестве. Гораздо труднее найти список, который будет стоять особняком и не иметь общих ошибок ни с одним из других списков произведения. Система «общих ошибок» способна больше находить общее и не способна доказать «единственности» списка. Ведь для того, чтобы отъединить список, разлучить его, необходимо доказать, что у него нет общих ошибок с другим, а это, по методике К. Лахманна, крайне трудно. Достаточно небольшого числа общих ошибок, чтобы утверждать, по методике Лахманна, общее происхождение двух списков. С другой стороны, любые три, четыре, пять и т. д. списков произведения неизбежно распадутся на группы по степени близости их друг к другу. Отсюда ясно, что, применяя теорию «общих ошибок», мы будем делить списки на группы до тех пор, пока все списки не расчлениятся на пары. Число два — наипростейшее деление; дальше уже делить невозможно. Четное число списков даст полное число пар, нечетное — сохранит один список вне пары, хотя и у него могут оказаться «общие ошибки» с каким-либо из списков произведения.

Отсутствие «общих ошибок» между списками одного произведения при тщательном учете всех разночтений — явление исключительное. Это может быть объяснено не только тем, что все списки находятся между собой в родстве, восходит к архетипу¹², уже заключавшему в себе ошибки, но и тем, что часть ошибок — результат общей всем писцам психологии ошибок, кстати сказать, очень мало еще изученной¹³.

Но если есть одни и те же ошибки, которые возникают самостоятельно в разных списках, — определение генеалогии списков на основании теории «общих ошибок» невозможно. Имеются, однако, сторонники методики К. Лахманна, которые пытаются утверждать, что общие ошибки не могут самостоятельно возникать в различных списках. К ним относится, например, французский исследователь П. Коллом¹⁴.

Мы видели, однако, что такие повторения вполне возможны. Древнерусский материал во всяком случае представляет их во множестве. Невозможно другое: повторение целого сочетания ошибок. Вообще в изучении текста и взаимоотношения списков представители механистической текстологии совершенно не обращают внимания на сочетания разночтений между собой, на систематическое повторение в каком-либо тексте определенного типа разночтений, на типичность тех или иных ошибок, исправлений и пр. для того или иного списка. Именно изучение типичности и сочетаний разночтений, что связано с изучением смысловой стороны текста, дает наиболее бесспорные научные результаты.

Можно легко показать, что при замене теории «общих ошибок» теорией «сходных мест» или системой подсчета многократно и однократно встречающихся чтений картина получается та же самая.

Механические и статистические приемы анализа разночтений, приме-

¹² Архетипом группы, редакции или извода произведения называется тот список (практически это всегда бывает список недошедший), к которому восходит все списки одной группы, редакции или извода произведения; архетип произведения — это тот воображаемый список, от которого пошли все сохранившиеся списки. Не обязательно, чтобы им был авторский текст. Часто бывает так, что все списки произведения восходят к уже измененному после автора тексту (особенно часто бывает так с античными произведениями, средневековая традиция которых восходит к какому-либо александрийскому или византийскому архетипу).

¹³ По этому вопросу имеется статья: J. Andrieu. Pour l'explication psychologique de fautes de copiste. «Revue des Études Latines», 1950, т. XVIII, стр. 279—292; однако автор обращает преимущественное внимание на ошибки пропуска (в частности на так называемые «bourdon»).

¹⁴ P. Collomp. La critique des textes, Strasbourg, 1931, стр. 36—37.

пиемые для построения стемм, имеют еще одну характерную особенность: они не дают никаких указаний на утраченные звенья. Схождения и пересечения линий в лучшем случае способны условно указывать на близость списков, но не на их восхождение к утраченным спискам, хотя должно быть ясно, что сохранение всех списков какого-либо произведения — совершенная, почти неосуществимая, случайность, возможная лишь при очень небольшом их числе. Обычно даже нахождение в числе списков копии и оригинала — явление исключительно редкое¹⁵.

Обратим внимание на следующее. Методика К. Лахманна совершенно безразлична к тому, имеет ли она дело с несколькими списками произведения из сотен существовавших когда-то или с тем же количеством списков, но дошедших до нас в полном составе. Методика построения стемм будет одинаковой, и очень возможно, что стеммы окажутся при этом также одинаковыми. Во всяком случае принципиальных расхождений между стеммами обеих, глубоко различных по самому своему существу типов историй текста не будет.

Заметим также, что если и возможно сгруппировать списки путем выявления в тексте общих ошибок, то невозможно установить редакции произведения, ибо редакции объединяются не общими механическими ошибками и сходными местами, а определенными проведенными в них идеями, стилистическими принципами и т. д. Каждая редакция — памятник — это отнюдь не механический этап в его жизни, не результат общих ошибок, передавшихся от архетипа к спискам, как это думают текстологи, применяющие механические приемы анализа, а результат сознательной, целеустремленной деятельности одного из книжников.

Но самый главный недостаток механических приемов построения стемм заключается в том, что они основываются на крайне упрощенных представлениях об истории текста произведений и о способах работы книжников вообще.

В самом деле, способ построения стемм на основе подсчета общих ошибок предполагает, что каждый писец механически переписывает только один список, не исправляя его по другим спискам. Русский средневековый материал решительно опровергает такого рода представления о работе переписчиков. Имеются прямые свидетельства, что переписчики или писцы-редакторы исправляли тексты по другим спискам.

Вот, например, некоторые записи, приводимые А. И. Соболевским¹⁶ «Сия Миня правлена с правленые Миней, а не тое, с которые писана. А правил старец Герасим... да старец Зиновий» (Служебная Миня конца XVI в., Библиотека СССР им. В. И. Ленина, собрание Троицкой лавры № 542). «А писана не с единого списка, но с различных добрых переводов» (Слова Феодора Студита конца XVI в., ГИМ, Синод. собрание). «А писана сия святая книга Апостол Толковый с добрых переводов честных монастырей Каменского и Павловского и Коринишевского; а трудов и потов много положено, как правили сию святую книгу» (Толковый апостол 1603 года Троицкой лавры). «Писах же с разных списков, тщася обрести правая; и обретох в спискех оных многа не исправлена. Поведая же и се, откуда изысках многа списки. Бе бо в велицей обители сей инок, именем Антоний, православен, божественная писания чтый и мыслене потяся к разумению сих и по премногу тщателен к сих исправлению, ему же поручена служба многостыжательная божественных книг... книгохранительница. Той же богомудрый инок... хождаше в многобогатую божественных писаний

¹⁵ Мне удалось это обнаружить со списками Еллинского и Римского летописца второй редакции, и то потому, что это огромное произведение известно было в очень небольшом числе списков. См.: Д. С. Лихачев, Еллинский летописец второго века и правительственные круги Москвы конца XV в. Труды Отдела древнерусской литературы, М.—Л., 1948, т. VI, стр. 100—110.

¹⁶ Славяно-русская палеография. Лекции А. И. Соболевского. Изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 98—99.

книгохранительницу, овы убо мне книги многи в келью дая на исправление, овы же тамо многи, елико обретохом, люботрудне купно смотряхом; да обрищем правое и Богу угодное. И елика возможна моему худому разуму, сия исправлях; а яже невозможна, сия оставлях, да имущие разум больше нас, тии исправят не исправленная и недостаточная наполнят» (Канонник 1616 года Троицкой лавры № 281, писец этой книги — Арсений Глухой).

А. И. Соболевский пишет: «Текст творений Дионисия Ареопагита, написанный в половине XVII в. в Соловецком монастыре¹⁷, весь исцедрен поправками, заметками и т. п. Но, говорит переводчик (переписчик. — Д. Л.), «переводы (оригиналы) промеж собою не сходятся и сие не ведем, чего ради». «Островский перевод, — продолжает он, — не правилен; а сей писец молод был, много разума (смысла) и речей (слов) растерял в точках и запятых». «А еже недописи в переводах, — поменяет он, — и то бывает от неискусных каллиграфов: написав книгу, да не потщится справити ея, и от того многими леты растлеваются и добрые переводы». Другой список тех же творений, написанных в Ярославле в 1617 году (Московской Духовной академии), имеет такую жалобу писца: «писал есмь с древняго и ветхаго переводу, справити было не с чего, книги такие в Ярославле не добыл»¹⁸. Итак, переписчики сличали переписываемый текст с другими списками, обращали большое внимание на то, с какого оригинала они переписывают, отмечали его недостатки, ветхость, пропуски, отсутствие отдельных листов и тетрадей.

Проверка книг после переписки по тому или иному списку отмечена как обязательная даже для профессиональных переписчиков в постановлениях Стоглавого собора. Там сказано, чтобы писцы писали книги с «добрых переводов, да, написав, правили, потом же бы продавали»¹⁹.

Приведенные материалы о работе переписчиков книг решительно опровергают мнение представителей школы К. Лахманна о том, что каждый писец писал с одного списка и что поэтому все списки плавно и постепенно восходят к одному общему списку — архетипу. В западноевропейском материале к приведенным наблюдениям необходимо добавить материал схолий, попадающих при переписке в текст и бесконечно усложняющих работу текстолога, сличений, предпринимавшихся гуманистами печатных изданий, рукописные источники которых не сохранились, и т. д.

Характерно, что разочарование в текстологических приемах почувствовалось в классической филологии особенно сильно после открытия папирусов: тексты папирусов не подтвердили ни реконструкций текстологов, ни их теории архетипов в целом.

Предположение представителей школы К. Лахманна, что каждый переписчик переписывал только один текст; в результате чего можно определить архетип группы списков, решительно опроверг и автор крупнейшей итальянской монографии по вопросам текстологии классических произведений — Дж. Паскуали²⁰.

Дж. Паскуали пишет: «Считать, что традиция древних авторов всегда механична — предрассудок. Она механична лишь там, где переписчик мирится с тем, что он не понимает текста. Многие эпохи и многие области не соглашались оставить текст таким, каким они его получили, а делали его более ясным, приспособленным к своему вкусу, прикрашенным. Из этой истины должен извлечь пользу не только критический разбор (*recensio*), а и исправление текста (*emendatio*): более легкая в палеографическом отношении догадка почти никогда не бывает более вероятной, если она имеет дело с текстами, переданными не механически. Что касается

¹⁷ Ныне в Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, Музейное собрание.

¹⁸ А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 98—99.

¹⁹ «Стоглав», изд. Д. Е. Кожачникова, СПб., 1863, стр. 96.

²⁰ Giorgio Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934; Seconda edizione con nuova prefazione e aggiunta di tre appendici, Firenze, 1952, 525 стр.

критического разбора, то лишь в относительно редких случаях механической традиции возможно, если наши кодексы восходят к архетипу, применить критерии элиминации списков, сами по себе механические, сформулированные Лахманном»²¹.

Невозможность применить механические примеры к установлению генеалогии списков, утверждает Дж. Паскуали, определяется еще и тем, что передача текста происходит, как он выражается, не только «горизонтально», но и «вертикально», т. е. не только от более старого списка путем его переписывания к более новому — его копии, но и путем сличения разных (подчас одновременных) списков.

Теория «общих ошибок» предполагает и другое, — что единственно исправный текст, текст, в котором все ясно, — это текст автора, и что переписчик только ошибался и при этом ошибался однообразно, не исправляя текста оригинала а лишь прибавляя к ошибкам предшественников свои собственные. По этому поводу У. Т. Холмс спрашивает, имея в виду старофранцузскую поэзию: «Почему каждый писец должен быть беззаботным невеждой и каждый автор — непогрешимым знатоком старофранцузской метрики и рифм?»²².

В действительности дело обстоит таким образом, что переписчик, заметив опisku в оригинале, стремится ее исправить и исправляет часто неверно, иногда даже не то слово, в котором произошла ошибка, придавая новый смысл испорченному месту. Поэтому списки, восходящие друг к другу, могут иметь разные ошибки, и это надо непременно учитывать текстологу. Только «исправленные» места текста могут надолго удерживаться в переписке, но не явные ошибки. Однако текстолог может проследить, как одна описка плодит в дальнейшем новую, как писец неудачно исправляет испорченное место. Поэтому ошибки могут представить великолепный материал для установлений истории текста, но их механическая классификация — не лучший для этого способ. Текстолог не может замыкаться в механических поисках «общих ошибок». Да и что называть ошибкой? Иногда переписчик настолько удачно улучшает текст, что, определяя ошибку, может ошибиться сам. Переписчик тоже часто бывает текстологом, а современный текстолог совершает ошибки, типичные для переписчика.

Не могут быть приняты во внимание и орфографические ошибки: они имеют особенную тенденцию повторяться и не показательны. Можно сказать, что орфография малограмотных писцов так же однообразна, как и орфография писцов грамотных. Не показательны и диалектные формы, которые могут возникнуть одновременно в разных списках, переписываемых в одной и той же местности.

Наконец, следует отметить, что общие ошибки могут быть только тогда показательными, когда они сразу определяются как безусловные ошибки. Дело в том, что в большинстве случаев ошибочность того или иного чтения устанавливается на основе того, что оно появилось позднее и отсутствовало в архетипе. Но как определить, что отсутствовало в архетипе? На «инстинкт» текстолога полагаться нельзя. Для определения архетипных чтений необходимо выявить историю текста и установить взаимоотношение списков! Следовательно здесь может получиться «порочный круг». Здесь система «общих ошибок» терпит свое крушение. Ведь если текст в процессе переписки подвергается сознательным и целенаправленным изменениям, то метод «общих ошибок» просто не применим. Метод «общих ошибок» предполагает теорию, согласно которой переписка текста всегда ведет к его порче — и только!

Аналогичные наблюдения над работой переписчиков, сличавших различные тексты, «улучшавших», исправлявших их по другим текстам или в общей форме, по смыслу, были сделаны и зарубежными текстологами. Ис-

²¹ G. Pasquali. Указ. соч., Firenze, 1952, стр. XVII.

²² U. T. Holmes. Рец. на кн.: Textual Criticism and Jehan le Venelais, «Speculum», 1947, XXII, № 3, стр. 469.

правления такого рода очень затрудняют работу текстологов, особенно тех, которые пользуются механическими приемами. Вот почему текстологи часто повторяют: переписчики, которые меньше всего думают над текстом и переписывают механически, — лучшие переписчики! Английский текстолог А. Кларк прямо пишет: «В переписчике нет более благословенного качества, чем невежество, и это в большей мере ходячее мнение, чем парадокс, — утверждать, что лучшие рукописи те, которые переписаны наиболее невежественными писцами»²³. Сходное утверждение мы найдем и у французского текстолога П. Колломпа²⁴ и др.

Наконец, позволю себе остановиться еще на одном вопросе, который возникает в связи с механическими приемами установления взаимоотношения списков: на вопросе о так называемых «индивидуальных» чтениях того или иного списка.

Если текстолог применяет не теорию «общих ошибок», а теорию «сходных мест», то он так же, как и сторонник теории «общих ошибок», отбрасывает все, что оказывается в единственном числе. Пристизмается во внимание только «общее»: в первом случае — для того, чтобы определить взаимоотношения списков, во втором — не только для определения взаимоотношения списков, но и для исключения так называемых «индивидуальных чтений» из реконструкции оригинала. Нет, однако, ничего более опасного в текстологии, чем подсчет различий и выбор их по большинству. Понятие «индивидуальных» особенностей опасно не менее. Пока мы не установили истории текста, мы никогда не можем быть уверены, что та или иная его особенность, не встречающаяся в других дошедших до нас списках, действительно индивидуальна. Ведь она может отражать чтения недошедших списков и даже восходить к авторскому тексту. Практически установить — является ли данное единичное чтение действительно «индивидуальным» или нет — бывает очень трудно, а иногда и невозможно. Поэтому лучше обходиться без этого понятия, тем более, что очень часто неясно — что именно понимает в том или ином конкретном случае текстолог под «индивидуальным» чтением или «индивидуальной» особенностью текста списка: то ли, что данная особенность не встречается в дошедших списках (тогда это мало о чем говорит), то ли, что эта особенность появилась только в данном списке, и нигде, ни в каких списках, в протографах этого списка ее не было. Для историка текста важно только последнее, но как это установить? Всякие суждения о недошедших списках чрезвычайно трудны. Текстолог с гораздо большей степенью вероятности судит о недошедших этапах истории текста, чем о недошедших списках.

Только восстанавливая общий ближайший протограф несколько сохранившихся списков мы можем отбросить те или иные удачные чтения одного списка как индивидуальные; однако этими «индивидуальными» чтениями могут оказаться далеко не все те, которые встречаются только в данном списке. Даже при восстановлении ближайшего протографа списков невозможно опираться на механические приемы исследования списков и считать, что показания одного списка, противоположные показаниям нескольких списков, должны быть сброшены со счетов. Арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста.

Мы говорили выше, что теория К. Лахманна не соответствует современным представлениям об истории текста произведений, проживших долгую жизнь во многих списках. Было бы несправедливо не отметить, что защитники К. Лахманна осознают это положение.

Характерно, что защитники системы К. Лахманна откровенно занимают сейчас антиисторические позиции. Если сам Лахманн слепо верил, что построенные по его методу стеммы отражают реальное соотношение списков — реальную историю текста, то нынешние его сторонники прямо заявляют, что текстолог следует лишь условные взаимоотношения

²³ A. C. Clark. Recent developments in textual criticism, Oxford, 1914, стр. 21.

²⁴ P. Collomp. La critique des textes, Strasbourg, 1931, стр. 10—11.

списков, не имеющие ничего общего с реальной историей текста и отражающие лишь отношения, которые случайно сложились между сохранившимися рукописями. Так, В. Грег, отвечая защитникам Ж. Бедье, пишет: «Я не понимаю возражений господина Шенарда (W. P. Shepard — автор статьи, защищающей позиции Ж. Бедье²⁵. — Д. Л.) против так называемых „дихотомных стемм“. Показав, что громадное большинство стемм, составленных издателями текстов, именно этого типа, он замечает: „Конечно, совершенно невероятно, чтобы с оригинала делались только два списка средневекового текста; дихотомия обязана своим происхождением методу текстолога“. Это поистине удивительное замечание, так как, конечно, стемма говорит нам не о том, сколько списков было первоначально сделано, но только об отношениях между списками-сохранившимися. Преобладание дихотомии обязано своим появлением отбору. Если среди большого числа сохранившихся рукописей того или иного произведения отсутствуют исконые взаимоотношения (т. е. почти во всех случаях), то я думаю, из этого следует, что для рукописей будет характерно почти полное отсутствие и каких-либо иных стемм, кроме дихотомных»²⁶.

Итак, подчеркнутая антиисторичность, стремление к формальной классификации текстов на основании механических приемов сличения разночтений с помощью теории «общих ошибок», или теории «сходных мест», или путем подсчета вариантов, подразделяемых на редкие («индивидуальные») и многократные, — таковы основные принципы современных продолжателей зарубежной механистической текстологии.

Стремлением свести текстологию к ряду механических приемов, «арифметизировать» ее отмечены и такие значительные работы по текстологии, как книга В. Грега «The Calculus of Variants» (Oxford, 1927), Д. Г. Квентин «Essais de critique textuelle» (Paris, 1926) и др.

Критика современной стемматологии Ж. Бедье и его последователями — это критика, идущая, в сущности, из того же лагеря. Она вскрывает внутренние противоречия механистической текстологии, не заменяя ее принципы иными. Отсюда — глубокая неудовлетворенность тщательными исследованиями памятников классической и средневековой древности по всем сохранившимся спискам и все увеличивающийся процент публикаций по одному, случайно выбранному списку.

Механические приемы обращения с разночтениями создавали иллюзию точности. Когда эта иллюзия была разрушена, наступило разочарование в текстологии в целом, столь характерное сейчас для зарубежной филологии.

* * *

Рассмотрение общих принципов советской текстологии, занимающейся изучением памятников по многим спискам и противостоящей механистической зарубежной текстологии, не входит в задачу данной статьи. Это было выполнено мною в ряде других статей и заметок²⁷.

Укажу лишь, что в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы советские текстологи стремятся за внешними осе-

²⁵ W. P. Shepard. Recent theories of Textual Criticism. «Modern Philology», Chicago, 1930, т. XVIII.

²⁶ W. W. Greg. Recent Theories on Textual Criticism. «Modern Philology», 1930—1931, т. XXVII, стр. 403. См. его же. The Calculus of Variants, Oxford, 1927; его же. The Editorial Problem in Shakespeare, Oxford, 1954.

²⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников. «Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка», 1955, № 5; его же. К вопросу о реконструкции древнерусских текстов. «Исторический архив», 1957, № 6; его же. Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения. «Slavia», 1958, XXVII/4; его же. Об исторической и формальной классификации списков древнеславянских памятников. Сб. «Славянская филология», М., 1960; его же. Понятие лучшего списка в текстологической работе. «Ежегодник Археографической комиссии», М.—Л., 1960, 1958, т. II и др.

бенностями текста отдельных описков найти их историческое (в широком смысле) объяснение. Реальная история текстов, — история, понимаемая как история людей, создавших этот текст, а не как имманентное движение списков в их разночтениях, — таково то основное, что привлекает советских текстологов-медиевистов в первую очередь. Один из основных принципов советской текстологии состоит в том, что никакой внешней текстологический факт не может быть использован для установления истории текста, пока ему не дано объяснения. Нет текстологических фактов вне их истолкования.

С этим связывается и другой принцип: все факты индивидуальны, каждый имеет свое объяснение²⁸. Наконец, еще один принцип: принцип взаимосвязанности текстологических фактов. Важны не столько отдельные факты, сколько их сочетания, их система. Разночтения списка — это определенная система, учитываемая и объясняемая текстологом в целом, в первую очередь в связи с сознательной деятельностью книжников. Механические изменения текста (ошибки переписчиков) должны учитываться непременно, но во вторую очередь.

Советская школа текстологов-медиевистов в известной мере опирается на традиции текстологической школы А. А. Шахматова. А. А. Шахматов в свое время решительно изменил принципы текстологического изучения древних памятников. Огромный и сложный материал русского летописания, которым больше всего занимался А. А. Шахматов, не поддавался механическим приемам изучения. Было бессмысленно заниматься «восхождением к авторскому тексту», поскольку каждая русская летопись представляла собой свод предшествующего летописного материала. У летописи не было единого автора: в той или иной степени на каждом этапе летописания рождался авторский текст и каждый представлял самостоятельный интерес.

Новые методические приемы изучения летописания, выдвинутые в свое время А. А. Шахматовым, были связаны у него с новым же, конкретным представлением о летописях и приемах, которыми они составлялись в древней Руси. Не могу не привести замечательной характеристики летописания, данной А. А. Шахматовым: «Наши летописи не были официальными актами, памятными записками, механической сшивкой разнородного материала, — это были литературные произведения, дававшие широкий простор личному чувству автора, считавшего себя полным и безответственным хозяином накопленного им материала — предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими писцами, сказаний, известных по другим памятникам. Большинство наших летописных сводов безымянно, — но тем не менее характер их таков, что исследование каждого из них должно начинаться с определения личности составителя свода (времени, места, обстоятельств, при которых он работал). Можно с уверенностью сказать, что все, дошедшие до нас летописные своды предполагают существование других, более древних сводов, лежащих в их основании. Поэтому исследование их должно приводить к определению (предположительному) этих основных сводов; дальнейшее исследование должно открывать, где происходят ли такие основные своды из сводов еще более древних и первоначальных. Первоначальный летописный свод, входя в состав другого позднейшего, мог обособляться сказаниями, а также известиями, заимствованиями из других сводов, других памятников или записанными на основании устного предания; сам он со-

²⁸ Протесты против представления об истории текста, как об однообразном накоплении различных искажений, раздаются и на Западе. Об этом, в частности, пишет А. Дэн: «tous les cas sont spéciaux» (A. D a i n. Les manuscrits, P., 1949, стр. 167). Как всегда своеобразно формулирует ту же мысль и А. Хаузмэн: «Писцы знали и заботились о наших вкусах не больше, чем большие заботятся о вкусе докторов; они делали ошибки не одного вида, а всех видов, и лекарства также должны быть всех видов» (A. H o u s' m a n. Manilius, Oxford, 1937, стр. LIV).

стараясь частью на основании каких-нибудь литературных произведений, частью же на основании устного предания, народных сказаний, рассказов современников. Таким образом, в результате анализа состава какого бы то ни было летописного свода должны получиться данные, свидетельствующие, с одной стороны, о более древних литературных произведениях, с другой — о народных сказаниях и устных рассказах, существовавших в эпоху составления свода»²⁹. В этом рассуждении А. А. Шахматова особенно важно то, что он соединяет соображения о методе исследования летописания с определением характера самого летописания. И действительно, метод исследования должен строго сообразоваться с общим характером истории памятника. Нельзя механически применять определенные, заранее установленные правила, не считаясь с тем, как памятник развивался. В самих приемах изучения текстолог обязан как бы предугадывать его результаты. Это нелегко, но возможно, поскольку тип истории памятников повторяется. Есть и известные приемы исследования; эти приемы также могут повторяться в исследованиях памятников одного типа.

Изучая памятник, текстолог обязан прежде всего стремиться конкретно, жизненно реально вообразить себе его историю. Чем живее будет текстолог представлять себе жизнь памятника во всех его деталях, тем вернее будут найдены необходимые приемы исследования.

В своей работе о Лаврентьевской летописи М. Д. Приселков так характеризует перемену, которую произвел А. А. Шахматов в самом методе изучения летописных текстов: «До работ А. А. Шахматова, указавшего плодотворный метод изучения летописных текстов, Лаврентьевская летопись, как и другие наши летописные своды, подвергалась лишь весьма поверхностному изучению, сводившемуся к весьма произвольному и в существе бесплодному установлению погодных записей и отдельных повестей и сказаний в составе того или иного изучаемого летописного текста и не подымавшемуся до задачи построения истории текста данного памятника на всем протяжении»³⁰. Заслуга А. А. Шахматова заключалась в том, что он впервые стал изучать тексты не для формальной их классификации, необходимой для их издания, а для установления их реального, исторического взаимоотношения между собой, — взаимоотношения, которое складывалось в действительности, росло, развивалось, утрачивалось в своих отдельных звеньях, вновь восполнялось и т. д. Для текстолога новой формации важно не то, что формально получалось в результате жизни многих текстов, а то — что, как и почему исторически складывалось. Нужна не формальная классификация списков по внешним, иногда случайным, признакам, а историческое объяснение состояния тех или иных интересующих нас текстов. Это объяснение учитывает и внешние, и внутренние особенности текста, его содержание, его литературное, историческое значение, видит за историей текста реальных людей, реальное человеческое общество, вне которых сам по себе текст — ничто.

Опираясь на текстологические традиции А. Шахматова, советская текстология древнерусских памятников идет самостоятельным путем к постепенному сложению из подсобной к изданию текстов дисциплины в самостоятельную науку, исследующую историю текста произведения.

²⁹ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. «Записки Академии наук», VIII серия, 1898, т. IV, № 2, стр. 108.

³⁰ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). «Ученые записки Ленинградского гос. университета» № 32, Серия исторических наук, Л., 1939, вып. 2, стр. 76.